

18+

ТАТЬЯНА БИЛЕНКО

Ошибок
не бывает

Татьяна Биленко

Ошибок не бывает

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71195701

ISBN 9785006468092

Аннотация

Это не просто книга ради книги, это настоящий переход на новый уровень глубокого знакомства с собой. Для тех, кто стремится лучше понять себя и свою жизнь, кто хочет найти свои истинные «хочу» и ощутить вкус жизни.

Содержание

Для кого эта книга	5
Как я пришла в психологию	6
В родильном доме	16
Знакомство с Таней	19
Про любовь родителей	24
Встреча с родной мамой	27
Как мама нашла свою маму	30
Про встречу с братом и отцом	32
Про юность	39
Встреча с будущим мужем	42
Миссия в детском лагере	45
Побег из детского сада	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ошибок не бывает

Татьяна Биленко

Перед применением рекомендаций требуется консультация врача

© Татьяна Биленко, 2024

ISBN 978-5-0064-6809-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для кого эта книга

Эта книга представлена для широкого круга читателей: для начинающих психологов, моих настоящих и потенциальных клиентов, друзей, знакомых и подписчиков, а в особенности родителей. Благодаря красочным историям можно увидеть, что я самый обычный человек с непростой судьбой, прошедший через нелегкие испытания в детстве, которые есть у каждого в большей или меньшей степени. Станет понятно, почему я так много работаю с родом и родовыми историями. Родители, имеющие своих детей, через жизненные истории смогут увидеть, как с детьми поступать не надо.

Как я пришла в психологию

На сегодняшний день я мама троих детей. Когда старшим сыновьям было пятнадцать и тринадцать лет, у нас родилась долгожданная девочка – Лера. На тот момент все наши друзья были на пять – десять лет старше нас. У многих уже были внуки, либо они ожидали их появления. Мы были самыми «младшенькими» в нашей компании. Поэтому, когда родилась дочка, она стала игрушкой для всех. Мы все дружно ее баловали. Игрушки, хотелки, требования – все исполнялось. Баловать ребенка можно, но в меру, чтобы не навредить. Мы же меры не знали и вскоре поняли, что совершенно не справляемся с ребенком. В свои пять лет она все уже прекрасно знала и понимала. Могла бы спокойно давать уроки сверстникам на тему «Как сделать так, чтобы родители плясали под мою дудку».

В один прекрасный день я не выдержала и поделилась этой проблемой с коллегами по работе. Помню прекрасно, что в горле стоял ком, а слезы наворачивались сами собой в тот момент, когда я делилась своей болью. Одна из коллег посоветовала обратиться к психологу и дала номер телефона, за что я по сей день ей благодарна. Ни она, ни я не подозревали, что этот момент полностью изменит мою жизнь и мировоззрение.

Я позвонила, записалась на прием. В назначенный день

мы с дочкой поехали к специалисту. На приеме я молила психолога: «Сделайте с ней что-нибудь! Она неуправляемая!» После диагностики дочери терапевт сказала: «У вас замечательный ребенок! Проблема совсем не в ней, а в вас. Просто вы не знаете, как воспитывать детей». Для меня это было как пощечина. Как так? Ведь я считала себя супер-мамой и гордилась тем, как воспитываю всех троих детей. И вообще я всегда думала, что я лучшая мама на свете! Я все правильно делаю! Меня распирало от того, какая я классная. Тем не менее я приняла то, что мне сказали, а значит это нужно исправлять. И мы начали посещать психолога на постоянной основе.

Прошло несколько месяцев. Дочь стала спокойнее, ходила с удовольствием в школу. Нам нравилось разговаривать по душам. Гораздо позже я поняла, что в семейных отношениях это самое ценное. Дети узнают о нас только из наших рассказов и рассказов наших родителей. Так хорошо было быть искренней с ней, не выставлять себя супергероем, а рассказать, что и я плакала, мне тоже бывало больно и обидно. Ребенок видит нас живыми, настоящими и получает опыт родителей – смогли они, смогу и я.

На одном из приемов психолог сказала: «Татьяна, вы же понимаете, что ребенок тут не причем. Все дело в вас самой и ваших отношениях с мужем. Тогда я была очень удивлена, но сейчас, пройдя свой путь, именно это я транслирую и всем своим клиентам. Как специалист могу с твердой

уверенностью сказать, что это действительно так. Когда ко мне приходят родители с ребенком примерно до двенадцати лет и говорят, что он неуправляемый, я смело говорю – дело не в ребенке, а в вас.

Положительная сторона в том, что до этого возраста родители сами могут справиться с ребенком, без помощи психолога. Просто нужно дать им некоторые рекомендации. А вот когда уже начинается подростковый кризис, желательно работать в комплексе ребенок—родитель. Важно, чтобы оба были в проработке, потому что для хорошего результата родители должны менять обстановку в семье в соответствии с изменениями самого подростка. Должна сказать, что на терапию я ходила долгих семь лет. Из них первые пять – каждую неделю. Для меня это стало нормой жизни. Но я не сторонник долгосрочной терапии и всю свою жизнь ищу методы, которые работают мягко и быстро. И они есть.

Так вот, возвращаемся к моей дочери Лерочке. Мы с супругом совершили серьезную ошибку – дали ребенку слишком много власти. Есть много моментов, которые ребенок еще не должен решать сам. Как результат мы получили то, что получили... Психолог дала рекомендации, как себя вести и что делать, чтобы все исправить. Образно она обрисовала ситуацию так: «Ваша дочь как обезьяна с гранатой, которая не знает, как ее применить и может бросить в любой момент». Я с ней согласна. Границы дозволенного должны быть обозначены для каждого члена семьи, в том чис-

ле и для детей. Родителям необходимо создать некий коридор, по которому ребенок может свободно и безопасно гулять. Суть детской психологии такова, что с развитием и ростом ребенок будет постоянно пытаться этот коридор расшатать и расширить. Задача родителей четко проговаривать, что можно, а что нельзя.

Так же и супруги должны друг с другом согласовать важные моменты. Например, распределение обязанностей и ответственности. За что отвечает мама, за что папа. Чтобы не было ситуаций, когда ребенок хочет гулять и бежит к маме, а мама говорит: «Спроси у папы!» Когда он подходит к папе, папа отсылает к маме. Знакомая картина, не так ли? Со временем дитя может использовать недоговоренность между родителями в свою пользу. Например, попросит денег сначала у мамы, а потом у папы.

Что же делать? Однажды теплым вечером за кружкой вкусного горячего чая, когда все домочадцы спят, мама и папа садятся за стол обсудить, кто за что будет в ответе. Например, школа, уроки, питание, внешний вид на маме. Посещение кружков, спортивных секций, прогулки, финансовые вопросы – забота папы. Так проще всем. Ребенок понимает, к кому с какими вопросами обращаться, родители оба участвуют в жизни сына или дочери. Это самый простой пример, чтобы донести, насколько важно самим родителям понимать необходимость работы над собой и взаимоотношениями друг с другом.

И мы работали вместе единой командой. Договорились, кто за что отвечает в нашей семье. Например, муж отвечал за деньги, за время, когда возвращаться с прогулки, с кем гулять и где. На мне была учеба и весь быт. Иногда, конечно, она пыталась манипулировать мной, и я поддавалась. Поначалу ей было непривычно, она сопротивлялась, но постепенно перестроилась. И характер немного, но все же выровнялся. Были сложности с импульсивностью и вспыльчивостью, и до сих пор есть. Тут уж ничего не поделать, это было заложено еще до трех лет, и в этом я, конечно же, опоздала.

Самый беспокоящий нас на тот момент вопрос с Лерой мы постепенно закрыли, но я продолжала ходить сама на сеансы к психологу, потому что были сложности в отношениях с мужем. Мы перестали слышать друг друга. Возможно, это только мне так казалось. На сеансах мы работали с травмой потери папы, историей моего появления на свет и многим другим.

Ежегодно в Армавире проходит гештальт-конференция, и мой психолог предложила мне туда поехать. Я сама сейчас предлагаю своим клиентам посещать подобные мероприятия. Это возможность познакомиться с методом, понять, как ты себя ведешь с новыми людьми и стать ближе к себе. Своему психологу я тогда сказала: «Господи, я же там ничего не пойму. Конференция психологов, а я экономист». – «Ты попробуй. Вдруг тебя заинтересует», – ответила она. И я отправилась на конференцию. Как же волнительно это бы-

ло для меня! Я долго выбирала, что надеть, собиралась как принцесса на бал. Выбрала самое лучшее и была очень удивлена тем, что многие пришли в джинсах и кроссовках.

Программа была рассчитана на два дня, по два мастер-класса с утра и после обеда ежедневно. На каждом из них я открывала окна своей души, в комнатах которой были боль, обида, непонимание... Я рыдала в голос везде, куда бы не пошла. Поняла, что у меня много проблем и что без помощи специалистов мне не справиться. Еще я увидела, какие они классные – психологи. Они говорят, что чувствуют, смеются, когда смешно, в них много жизни и непосредственности. Вернувшись с конференции я вновь пришла на сеанс терапии отработать те инсайты, которые посетили меня за два дня мероприятия. В конце нашей встречи психолог предложила мне пойти учиться. Я удивленно воскликнула: «Здравствуйте, мне уже сорок лет! У меня дети уже закончили институты!» – «Главное не возраст, а чтобы было намерение и желание. Учиться никогда не поздно!» – ответила мне психолог. Я была настолько счастлива и рада, что она увидела во мне что-то особенное, что-то глубинное, настоящее. Возможно то, что я бываю упряма, но справедлива или что я люблю помогать людям. Не знаю...

Прислушавшись к моему терапевту и своему внутреннему голосу, я приняла важное решение – поступить в магистратуру. Армавирский педагогический институт, факультет «психология семьи и личности». Но меня никак не отпуска-

ло состояние, которое я ощутила на той самой конференции и параллельно с первой учебой, я пошла учиться на первую ступень московского гештальт-института. Почему туда? Там училась мой психолог, и она сказала, что это лучшая школа. Я поверила на слово и не ошиблась. Это как армия для мужчины – совершенно особенный опыт. Обе эти программы обучения дополняли друг друга. В магистратуре у меня была классическая психология. Она в основном состоит из теории. А гештальт-институт – это 100% практики, в основном работа в группе.

Полтора года времени – и первая ступень была пройдена. Я чувствовала такую гордость за себя! У меня полностью обновилось мировоззрение. Основное открытие после первой ступени обучения было в том, что работать в группе для меня невероятно сложно. По своей натуре я спасатель. Где нужно и не нужно, где просили и где не просили. Сама по себе группа – это маленькая жизнь. Но моя сущность проявлялась везде и всюду, я постоянно лезла со своими советами. Не раз мне приходилось слышать в свой адрес: «Тебя кто просит, Татьяна?» Часто я впрягалась за всю группу, брала за них ответственность. К примеру, нужно сделать представление команды. Я сразу включала режим «активность» и брала решение задачи на себя. Говорила командным тоном: «Так, слушаем все меня!». На что несколько человек сказали: «А почему мы должны слушать тебя? Может это ты будешь слушать нас?»

Честно говоря, меня это обижало, я же для всех хотела как лучше и искренне не понимала, почему окружающие так негативно реагируют. Именно во время обучения я все это осознала и потом прорабатывала в терапии. Ведь хотелось с этим разобраться и научиться поступать как-то иначе. Да, я знаю, мне очень сложно долго сидеть и молчать, ждать когда кто-то возьмет дело в свои руки, и всю инициативу я брала на себя, якобы «спасала» их. Быстро выскочить вперед и прервать неловкое молчание – это для меня казалось спасением. А оказывается, люди молчали не потому, что не знали, что сказать. А потому что прислушивались к себе, к своим чувствам и ощущениям. А я как тот герой кинофильма «Операция „Ы“ и другие приключения Шурика»:

– *Песчаный карьер!*

– *Я!*

– *Цементный завод!*

– *Я!*

– *Ликероводочный завод!*

– *Я!*

– *Мясокомбинат*

– *Я!...*

Тогда я не осознавала, что это нехорошо, но со временем научилась слышать себя, не забывать о своих чувствах и желаниях. Могу поговорить с собой: «Хочу ли я сейчас говорить? Или хочу посидеть и прислушаться к себе?» Я научилась действовать во благо себе, а не другим. В основном

все мои действия шли из позиции «надо». Потребовалось несколько лет, чтобы научиться другому. Да что говорить, я и сейчас, по сей день продолжаю работу над этим.

Обучение в гештальте продолжалось пять лет. И все те, кто был от начала и до конца, стали родными и близкими людьми друг другу. Настолько близкими, что могли открыто в лицо сказать: «Слушай, твои слова сейчас вызывают у меня чувство злости!» Я никогда в жизни раньше не говорила такого вслух. Обычно только про себя, максимум – жаловалась подруге или сестре. А когда говоришь об этом открыто, именно тому человеку, на которого направлена эта эмоция, и вы остаетесь друзьями, получаешь такое удовольствие и легкость в общении, словами не передать. Мы легко могли подойти друг к другу и сказать: «Я вижу, ты на меня злишься. Давай присядем и поговорим об этом. У меня нет понимания, чем я могла тебя обидеть». Такие же моменты часто происходят и в семье. Недосказанность, недопонимание, сдерживание эмоций. Когда я научилась делать это в группе, открыто разговаривать, это перешло и в семью. Я легко могла проговорить свои переживания с мужем, детьми, коллегами. Для меня все, что происходило на учебе в гештальт-институте, стало бесценным опытом.

Однажды мой психолог спросила: «Что для тебя психология?» Я сразу ответила, что для меня психология как спасательный круг в океане. С ним я точно не утону. «А без круга можешь?» На тот момент прошло уже пять лет терапии, и я

ответила: «Да, могу!» – «Так может пора передать твой круг кому-то ещё?» Этот диалог меня очень тронул. Я заплакала и поняла, что в океане жизни я уже умею плавать и даже готова отдать свой «круг» другим людям.

В родильном доме

В одной из сессий со мной в качестве клиента я увидела, как лежу в роддоме. Всех детей забрали кормить, а меня не берут. Как так? Почему всех любят, всех берут, а меня нет? Я долго не хотела появляться на свет. Уже в утробе мамы знала, что когда появлюсь, пуповину разрежут и я больше не увижу маму. Это было непереносимо больно.

В терапии есть такой метод «перерождение». Я трижды использовала его в своей жизни в разные периоды в разных группах. Со стороны это выглядит так: группа людей встает на четвереньки и выстраивается в форме канала. Человек, который рождается, должен протиснуться через этот коридор словно по родовым путям. Это дается довольно тяжело. Особенно, у кого были травматичные роды, они боятся это делать. Возникает сопротивление тела и души.

И мне было страшно так, что словами не описать. Все тело трясло. Казалось бы, ну что там страшного? Ползи и все! Но тело и психика помнят предыдущий опыт. Я кричала: «Все! Расступитесь! Задохнусь сейчас!» Тут главное – грамотный тренер. Он помогает поменять нейронные связи. Первое перерождение далось мне очень тяжело, чуть не задохнулась, пока проходила. Во второй раз было уже легче, а третий вообще хорошо. Тогда я уже рождалась с новой установкой: «Я перерождаюсь для радости и счастья!» В тот

момент я понимала, что это последняя связь с моей мамой.

Как же ребенку жизненно необходимо чувствовать свою маму. Тепло, запах, ее сердцебиение, потому что он зародился во всем этом и жил девять месяцев. Роднее ничего нет. С этим всем ему безопасно выходить в свет. Когда женщина рождает и сразу берет няню или бабушки в основном с ребенком возятся, это не хорошо для ребенка, это травмирует его психику. И чем раньше это происходит, тем труднее его исцелить. А если травма получена еще до рождения, то она вообще не лечится. С ней необходимо научиться жить. К сожалению, это мой случай.

До года ребенок соединен с мамой энергетической пуповиной. Когда ее нет рядом, даже если присутствует другой любящий взрослый, у него иначе бьется сердце, другой запах, нет материнского молока. И ребенок, теряя связь с мамой, теряя ее как весь свой мир, чувствует это как «если мамы нет, значит и меня нет». Получив подобный опыт, когда мама, оставляет ребенка, уезжая на заработки или учебу, такие люди живут всю жизнь с этой глубинной травмой. И даже если они очень умные, успешные, талантливые, все равно чувствуют себя неважными и ненужными, им сложно почувствовать и признать, что они есть. Исцелить это практически невозможно. Вот почему очень важно ребенку до года не разлучаться с мамой. А уже к трем годам малыш больше контактирует и взаимодействует с папой и близкими родственниками, становится более самостоятельным и заявля-

ет об этом: «Я сам!» Тогда его можно оставлять с другими людьми или в детском саду.

Когда в роддоме я лежала на столе, всех забирали, а меня нет, это было о том, что моя мама меня никогда не согреет, я ее не увижу. Такая боль пронзила, слезы ручьем текли по моим щекам. Терапевт говорит: «Представь, тебя выписывают из роддома, и это обязательно будут твои родители». Меня на самом деле забрали родители, сразу после рождения. Приемные родители. Мой папа уже был болен сахарным диабетом, врачи говорили, что он может передать эту болезнь своим детям. Некоторые советчики предлагали маме родить ребенка от другого мужчины. Но она была однолюбом, и рожать от кого попало не собиралась, для нее эта мысль была неприемлемой. И они приняли решение взять брошенного ребенка. Этим ребенком по счастливой случайности оказалась я. Они к тому моменту уже лет десять ждали подходящего малыша. Поэтому врачи знали, что семья положительная. Им сразу сообщили про рожденную девочку, которую мама оставила в роддоме. Зашли они в здание вдвоем, а вышли мы уже втроем.

Знакомство с Таней

У нас мужем есть семейный бизнес – магазины. В то время в бухгалтерии работало восемь женщин, и одна девушка уходила в декрет. Мне пришлось дать объявление в Центр занятости. Оттуда на собеседование приходили кандидатки, но я не простой начальник, а очень ответственный. Выбор сотрудников – серьезный момент в руководстве. Мне важно, чтобы был хороший человек, и чтобы мы совпадали по ценностям.

Кандидатка по имени Татьяна была одной из немногих, кто ответил на все вопросы в предложенной мною анкете. Я пробежала ее глазами и поняла, что она ответила так же, как это сделала бы я. После собеседования я приняла ее на работу. Она отлично вписалась в наш коллектив, проработав с нами больше двух лет.

Как-то раз за обедом коллеги обсуждали вчерашнюю передачу Андрея Малахова, эфир был про брошенных детей. Вдруг Таня говорит: «Вот моя тетка, например, оставила девочку в роддоме, а теперь всю жизнь страдает. Приезжает в город, где ее оставила и смотрит на разных женщин, высчитывая их возраст в голове, думает, что вдруг, когда-то дочь пройдет мимо». Я поинтересовалась у Татьяны, как зовут ее тетю, она ответила – Геля.

Когда мне было лет шесть, мы поругались на улице с од-

ной девочкой, и она сказала: «Тебя родители не любят, потому что ты не их родная дочь». Я прибежала домой с таким горем на душе, у меня случилась истерика. Я кричала своей маме, умываясь слезами: «Ты что, не родная моя мама? Ты меня не любишь?» Я отлично запомнила этот момент. У нас во дворе была качеля. Я сидела на ней, а моя мама, на корточках напротив меня. Я плакала, плакала, плакала, а она успокаивала меня, целовала, обнимала и говорила: «Ну что ты такое вообще говоришь? Не плачь, а посмотри получше. Мы же похожи с тобой! У нас одинаковый цвет глаз, а пальчики? Взгляни на них. У тебя мои руки. Я посмотрела маме в глаза, потом на руки, и как-то постепенно успокоилась».

Ситуация повторилась, когда мне было двадцать лет. Тогда я ходила беременная первенцем уже на девятом месяце. Муж был в армии. И вот настал тот самый период «гнездования». Многие мамочки понимают, о чем я. В этот период беременная женщина наводит уют, порядок в доме и активно готовится к появлению малыша на свет. Мы с мамой были вдвоем в доме. Мои руки дошли до уборки в шкафу, где на дне ящика лежала старая газета. Я ее выбросила, а под ней листок бумаги. Я взяла его в руки. Это была расписка моей родной матери о том, что я ей не нужна... «Расписка дана Демченко Василию Александровичу от Дьячук Ангелины Георгиевны в том, что я отказываюсь от своей дочери Татьяны. Претензий не имею. Число моего рождения и роспись».

Первый раз прочла бегло. Это меня повергло в шок, и я

решила перечитать, может показалось... Читаю во второй раз, а строки уже поплыли в глазах. Мама в этот момент лежала на диване. Обернувшись на меня, она увидела что я что-то читаю. Она быстро поняла, что именно, и заплакала. Так сильно плакала, до истерики, со словами: «Теперь ты меня бросишь, ты теперь от меня уйдешь?» Я говорю: «Ты что? Куда я уйду? Я сама скоро мамой стану». Через время, успокоившись, она поделилась, что ее большим страхом всегда было то, что если я узнаю правду, то уйду от них. Не знаю, как бы я поступила, будучи импульсивным подростком, но в тот момент я была очень благодарна людям, которые знали эту тайну и не рассказали мне ничего об этом.

Сейчас моей маме уже почти девяносто лет, а она до сих пор боится. Этот страх так сильно проник в нее, что не смотря на возраст сильно тревожит. Ей бы успокоиться уже, но она не в силах его побороть. Иногда дело доходит до упреков, если я не звоню: «Конечно, я ж не родная!» Но я пытаюсь донести, что дело не в кровной связи, а в любви и благодарности к ней.

Мама вспомнила про одно фото и разыскала его. Я и раньше его видела, но на вопрос, кто эта женщина на снимке, она отвечала, что это какая-то знакомая отца. Мне всегда было странно, что она хранила это фото. На нем была изображена девушка, на которую я была очень похожа.

Когда Таня пришла к нам работать, мне было уже более сорока лет. И она рассказывает о некой тете по имени Анге-

лина. Я спросила фамилию, она ответила: Дьячук. Уточнила возраст. В этот момент пазл в голове сложился, и я выпалила: «Это же моя мать!» Все сидящие за столом воскликнули: «О, Господи! Как мать?» Я рассказала им свою историю. На следующий день мне позвонил мой родной дядя. Рассказал, что ему все поведала Таня, и изъявил желание встретиться со мной. Я почему-то на тот момент так испугалась. Думаю, зачем встречаться? Но не отказала. Он приехал. Оказывается, я его и раньше видела несколько раз.

Причем, такая интересная ситуация с ним как-то раз была. До этого он приезжал за Таней на работу. Зашел в офис, приоткрыл двери и крикнул: «Танюша!», и, вы не поверите, я в этот момент подскочила. Для меня самой это была странная реакция, мое тело отозвалось на его голос. У меня потом даже мысль была, что, возможно, это мой отец, но оказалось, что родной дядя.

На встречу он приехал с букетом цветов, мы сели в машину, чтобы поговорить, и проболтали целых два часа. Он плакал, рассказывал историю своей жизни. «Таня мне рассказала про тебя, я в шоке и очень переживаю. Когда все это произошло, я был в армии. А когда пришел, то тебе уже месяца три, наверное, было, и у тебя уже была новая семья. Я объехал все роддома, но мне никто ничего не говорил... твердили лишь одно: «Нельзя. Не положено. Это тайна». Я разругался из-за тебя со всеми, но это уже ни на что не влияло.

Когда мне было семь лет, Ангелине было три года, и на-

ша родная мать бросила отца, нас и уехала с любимым человеком. Когда она вернулась через полгода за нами, то привезла игрушки: мне большую машину, а Ангелине большую куклу. Сестра была мала, и кукла подкупила ее, а у меня была большая рана от того, что она нас бросила. Я взял сестру, и мы ушли в огород. Целые сутки там просидели в кукурузе. Нас искали всей деревней. Отец готов был отдать нас матери, но после этого случая сказал ей: «Ты видишь, что творишь? Выбрала того мужика, вот и уезжай с ним!» И она уехала, а мы остались с отцом. Он был слабохарактерный, запил. А когда начинаешь спиваться, становится не до быта, детей и воспитания...»

Он сказал, что не знает, где похоронена его мать, да и знать особо не хочет. Я пыталась ему объяснить, что вот я, например, зла не держу, почему вы так жестоки? Он плакал как маленький мальчик. Я плакала вместе с ним. Встретились двое людей с одинаковой болью в душе. Примерно через год он умер. Моего дяди не стало. Я была тогда с дочкой в больнице, ее оперировали. Не смогла прийти к нему и попрощаться.

Про любовь родителей

Когда мой дядя ушел в армию, моей матери было пятнадцать лет. Она влюбилась в парня, который стал моим биологическим отцом. Ему тогда было около восемнадцати лет. Все случилось однажды на вечерних посиделках. Мама говорила, что они практически и не встречались, ни о какой любви речи вообще не было. Проводил ее пару раз до дома, а потом стал приставать. Она испугалась и оттолкнула его, расплакалась, он развернулся и ушел с концами. Вскоре стал встречаться с другой девушкой. Мама, конечно, и подумать не могла, что беременна от него. А когда поняла, не знала что делать. Мачехе она не могла про это сказать, потому что боялась. А месяца через три подошла та самая девушка, с которой отец начал встречаться, и сказала: «Я знаю, что он тебе нравится, но имей в виду, он мой. Я жду ребенка». На тот момент срок у мамы был больше. Ей было так обидно, но она не посмела сказать, что тоже ждет ребенка от него.

Вскоре все раскрылось. Живот уже было не скрыть. Мачеха отправила ее в деревню к тетке, чтобы та сделала аборт. Но женщина не стала этого делать, сказав, что когда-то тоже сделала такую ошибку и сейчас не может иметь детей. Но мачеха не успокаивалась, она заставляла маму носить тяжелые ведра, по полкилометра в одну сторону, поливать огород. Так было до восьми месяцев беременности. Отецпил

и не включался во все это. Хотя она была родной дочерью, мог бы заступиться. Мама рассказывала, что когда училась в начальных классах, сидела на уроке возле окна. Смотрит, а отец рядом валяется пьяный. Она отпрашивалась с уроков и волокла его домой, укладывала спать в кровать. Ей всегда было стыдно за то, что у нее такой отец.

За восемь месяцев беременности мачеха допекла мою мать до такой степени, что в конце февраля она побежала на реку Кубань, разделась и вошла в воду, топиться собралась. «Иду среди льдин, разгребаю их, и ты как заби- лась в животе. Меня это словно разбудило. Выбежала из ре- ки и говорю сама себе, одно дело себя убить, а ребенка не могу», – рассказывала она мне. Это стало моей довербаль- ной травмой, меня хотели убить еще находящуюся в утробе. В итоге я спасла не только себя, но и маму. Возможно, оттуда и появился синдром спасателя.

Мой дядя, несмотря на уговоры и рассказы, так и не смог простить свою мать. Как пришел из армии, разругался, так больше и не видел ее. А Таня вскоре уволилась, но не из-за раскрывшейся истории, просто уехала жить в Москву. Мы с ней поддерживаем связь, ведь она моя двоюродная сестра.

Как-то Таня звонит мне и говорит: «Мой папа, рассказал своей сестре про тебя. Она хочет с тобой увидеться». – «А я не хочу!» В тот момент во мне поселился страх, волнение и трепет. Вечером рассказала все своему мужу, на что он от- реагировал очень остро: «Ну вот что ты все копаешь? Чего

тебе не хватает? Тебя это все так будоражит, ты сейчас сидишь и плачешь! Я не хочу, чтобы ты плакала. Зачем ты себя расстраиваешь?» Он тогда меня не понял, и от этого я страдала еще больше. Прошел месяц после встречи с дядей. Была Пасха, я точно помню, раздался телефонный звонок, номер был не определен. Я приняла вызов и в трубке слышу: «Танечка...» По телу пробежала дрожь, сердце забилося с невероятной скоростью, и я поняла, звонит мама...

– Здравствуйте, я вас не знаю?

– Как ты можешь меня узнать?

– Ну, не знаю... Мне кажется, я понимаю, кто звонит.

Она плакала и просила прощения. Я говорила, что не виню ее ни в чем. Она проговорила: «Если вдруг ты захочешь и сможешь со мной встретиться, я буду очень благодарна тебе! Запиши, пожалуйста, мой номер». Мы попрощались без каких-либо обещаний.

Встреча с родной мамой

После нашего разговора на протяжении двух недель меня ломало. Я не могла спать и есть. Разные мысли крутились в голове. Еще с момента, когда я прочла мамину расписку, больше всего меня волновало, есть ли у меня братья и сестры? Как они выглядят? Я ведь всегда была в семье одна, а мне так хотелось иметь брата или сестру. Желание съездить к маме было безумное. Поскольку муж меня не поддерживал, я все рассказывала подруге и сестре двоюродной. Они обе говорили одно и то же: «Что тебе мешает? Возьми и съезди, посмотри, что да как». Я говорила, что очень боюсь. Этот страх сковал меня оковами. Они обе предложили свою помощь – съездить со мной. Я пошла на терапию к психологу и рассказала ей все. На что она ответила: «Конечно езжай, посмотри, познакомься. Если есть позыв, и ты не можешь с этим справиться, то нужно пройти через это».

Я поехала. Созвонилась с мамой, чтобы она вышла встретить меня. Подъезжаю к месту встречи и вижу – стоит на перекрестке возле маленького домика, в котором она живет. Машина еле-еле проехала по узкой улочке. Мы зашли вместе в дом, она поставила чайник. Мы пили чай за столом. Она достала альбом с фотографиями. Рассказывала про свою жизнь, показала фотографии сыновей. Оказалось, что у меня есть два брата, и мы очень сильно похожи друг на друга.

Еще есть сестра от другого мужчины. Сходства между нами не было. Мама говорит:

– Эту историю никто не знает. Совсем никто. Я всю жизнь живу с этой болью и не могу никому об этом рассказать.

– Так расскажите! Почему ни с кем до сих пор вы не разделили этот страх, эту тайну?

– Я боюсь, что меня осудят и отвернутся от меня.

– Ну, уж если я от вас не отвернулась, то тот, кто любит, поймет.

– Когда дело дошло до твоих родов, мне сразу сказали дома: откажешься от ребенка. Подвезли к роддому и прямо на лавочке заставили написать расписку. Я тебя даже ни разу не видела. Было мне шестнадцать лет, и взрослые были для меня авторитетами. Не смогла я тогда проявить стойкость и возразить.

У меня очень долгое время не было вообще никаких претензий к ней. Даже в терапии я всегда говорила об этом. На меня смотрели с удивлением и говорили: «Но должна же быть злость, претензия». А моя злость всегда доставалась приемной маме. Мне не нравится выражение: «Долг перед родителями». Это как-то неправильно. Когда ребенок взрослеет, у него появляется своя семья, свои дела и обязанности перед мужем и детьми. Неужели родители должны рожать и воспитывать только для того, чтобы потом получать «долги»?! Думаю, что миссия родителей заключается в другом.

Когда я слышу от знакомых, что они хотят взять под опе-

ку или усыновить ребенка, я стараюсь поговорить с этим человеком о том, для чего они этого хотят. Чтобы безусловно любить, ради денег или в старости требовать выплату долга в виде внимания и заботы? Нужно понять, что отдав ребенку первое, последнее будет не долгом, а желанием.

Как мама нашла свою маму

Меня вырастила приемная мама. Как оказалось позднее, моя родная мама тоже выросла с приемной, потому что родная уехала за любимым мужчиной. Когда моей маме исполнилось семнадцать, я уже была рождена и оставлена в роддоме. Через некоторое время она уехала учиться в техникум в Краснодарском крае. Жила у женщины на квартире. Однажды она рассказала свою историю. О том, что мама их оставила, и она выросла с мачехой. Эта женщина сказала, что знает, кто ее мать. Оказывается, когда она училась, то тоже жила у нее на квартире! Это было невероятное совпадение! Хотя сейчас, работая с семейными системами, я понимаю, что таких случайностей не бывает. Эти повторения судеб в семье очень даже закономерны.

Женщина сказала, что у нее есть адрес. После ее отъезда они не потеряли связь, переписывались. Рассказывала, что ее мама тоже страдала, говорила, что у нее есть дочка. Сейчас она замужем, у нее трое детей в новом браке. Она счастлива, но мучают ее совесть оставленные дети: мальчик и девочка. Точных деталей уже не вспомнить, но однажды моя мама поехала на встречу со своей родной мамой. Когда она сходила с поезда, та стояла в стороне боком. Моя мама сразу ее узнала, мгновенно. Они общались, она иногда к ней ездила, иногда созванивались. Сейчас она уже умерла, а моя ма-

ма поддерживает связь с ее детьми от другого брака.

Про встречу с братом и отцом

Однажды за разговором с мамой мне наконец-то стало известно то, что я хотела знать уже давно – она поведала мне все, что знает о моем отце. Как оказалось, он по-прежнему живет в том же поселке, где жил и раньше. Сейчас он женат, у него двое детей. Мама с ним давным-давно уже не контактировала.

По приезду домой я рассказала своим сыновьям, кто их кровный дед. Дочка на тот момент была еще малышка. Младший сын всегда более энергичен и любопытен, чем остальные дети. И уже через пару дней он мне выдает: «Я все разузнал! Знаю, кто они, где живут. Знаю, что старший сын твоего отца работает в полиции». Я удивилась его заинтересованности. Это была исключительно его инициатива, не моя просьба. Чуть позже я все рассказала мужу, но поддержки от него не последовало. Он говорил: «Зачем тебе это все надо? Жила до этого как-то, вот и сейчас не думай. Живи как раньше!»

А я была очень взбудоражена эмоционально, мне хотелось разузнать о них как можно больше. Они живут всего в двадцати километрах от меня. А вдруг я видела своего брата, возможно, и не один раз? Может, мы даже по работе где-то пересекались. Мне было любопытно до безумия.

На терапии я подняла эту тему со своим терапевтом.

На что она ответила: «Иди и познакомься с отцом, с братом. Что тебя держит?» – «Мне так страшно, что меня отвергнут и скажут: «Да кто ты такая вообще? Иди туда, откуда пришла!» Терапевт ответила: «Зато ты перестанешь думать о них, отпустишь эту ситуацию. Поймешь, что они за люди». Держать все в себе было сложно, и я решила поделиться новостями и мыслями со своим кумом. Оказалось, это был самый нужный мне человек, который смог меня понять как никто другой. Потому что и в его жизни была похожая ситуация. У него есть внебрачный сын.

Как интересно устроен мир. Немало семей вокруг, которых затрагивает эта тема. Брошенные дети, внебрачные дети, отвергнутые... Кум поделился своей трогательной и искренней историей со мной. Когда-то в юности у него случилась связь с девушкой. Все было несерьезно. Но после этого случая у него появился внебрачный сын, о котором он не знал очень долго. Спустя некоторое время кум женился, и они с женой родили детишек. А двадцать лет спустя приезжает молодой человек и заявляет: «Я твой сын, ты мне задолжал, папа!» Просил машину, квартиру и всяческие блага для жизни. Но, слава Богу, у кума и его супруги хватило мудрости, сил и любви. Они приняли парнишку в семью, на что он ответил взаимностью.

В конце нашей беседы он сказал: «Таня, я знаю твоего брата лично, и в моих силах организовать вам встречу». В условленный день мы приехали в кафе вместе с кумом. Моло-

дой человек уже сидел за столиком и ждал нас. Я подошла и представилась: «Здравствуйте, меня зовут Татьяна». Он тут же ответил: «Да, я знаю, кто вы. Ваша фамилия и имя у многих на слуху в наших кругах». Он еще не понимал, по какому вопросу я захотела с ним встретиться. Присев к нему за столик, я задала ряд вопросов. Когда он родился и кто его отец. После его ответов стало понятно, что появился он на свет спустя полтора – два месяца после моего рождения. Брат удивленно задал вопрос: «А зачем вам это? Почему вы об этом меня спрашиваете?»

И я выпалила: «Потому что я ваша родная сестра!» Он онемел, побледнел, его кожа покрылась мурашками. «Как сестра? У меня только брат...» И я рассказала ему, что до того, как его отец женился на его матери, он встречался с моей мамой. Через некоторое время на свет появилась я. Он резко позвал официантку и заказал стакан водки. Выпил разом полстакана. Я понимала, что у него шоковое состояние. Но алкоголь сделал свое дело, и он расслабился. После сказал: «Это все очень здорово, классно. Чего хочешь?» На что я ответила: «Мне от вас ничего не нужно, я лишь хочу, чтобы вы знали о том, что я есть. И я ваша сестра». Попросила его об одном одолжении – рассказать обо мне отцу. Сама не смогла бы, наверное, мешал тот самый бессознательный страх отвержения.

Я ждала звонка или смс каждый день. Волновалась и боялась, что меня снова отвергнут. Но желание поставить точку

было сильнее всего этого. И вот, звонок раздался, и я услышала: «Я поговорил с отцом. На всю эту ситуацию он ответил лишь одно: «Такого не может быть!» Меня накрыла волна злости к нему. Этот поступок для меня был вторым предательством со стороны отца. Все, что я получала от него за всю жизнь – было лишь предательство. Я считала, что его поступки были абсолютно не мужскими. В моих глазах он не мужчина, а трус! Моей голове не давала покоя недосказанность, непонимание того, как можно быть таким?!

Моя кровная мама была несовершеннолетней девчонкой, которую он «поматросил и бросил». На мой взгляд, именно тогда и произошло первое отвержение мамы и меня. Он наверняка знал, что она была беременна, потому что жили они в маленьком поселке, где все вокруг знали, что это его ребенок. Только лишь он отрицал этот факт. Я вновь пошла на терапию и поделилось своими переживаниями. Выслушав меня внимательно, мой терапевт сказала: «Таня, тебе нужно лично с ним встретиться и сказать все в глаза. Поставить точку, закрыть свой гештальт. И тут два варианта развития событий: либо вы начнете общаться, либо ваши пути разойдутся и уже навсегда». И я решила, что мне нужна эта встреча. Я не успокоюсь, пока не скажу ему в глаза, что я его дочь и не увижу реакцию сама лично.

Моим помощником в этом деле вновь стал кум. Мы узнали, что у отца юбилей, шестьдесят лет. Собирались доехать до него, поздравить и заодно познакомиться, но что-то

не сложилось, поехали позже. Пока ехала в машине, у меня скручивало живот от одной мысли о встрече. Про себя проговаривала варианты, что я скажу и как. Мысли путались и совсем не складывались в диалог.

Дня через два после его дня рождения мы заехали в цветочный магазин и купили огромный букет роз. Приехали в поселок и у прохожих узнали, где его найти. Оказывается, всю свою жизнь он работал водителем автобуса, но когда ушел на пенсию, начал подрабатывать сторожем в доме культуры. Там мы его застали на улице, он убирал осенние листья. Я через лобовое стекло автомобиля рассматривала его и думала: «Боже мой, это мой отец?!» Почему-то стало так обидно за него. Мне на минуту показалось, что со мной он выглядел бы по-другому, более ухоженно.

Это был чуть выше среднего роста мужчина, среднего телосложения и беззубый. Одет как дворник. Почему-то от всего увиденного мне стало не по себе. Я собралась с духом, и мы подошли. Кум отдал цветы, мы его поздравили. Пока шел диалог, он внимательно на меня смотрел и пристально разглядывал. Кум спросил: «Вы так внимательно смотрите, дядь Петя, нравится эта женщина?» Он засмеялся, засмутился и ответил: «Да, очень красивая!» Мои эмоции взяли верх, и я нервно сказала: «Еще бы! Как я могу вам не нравиться, ведь я ваша дочь». Он начал неловко улыбаться. «Какая такая дочь? У меня только сыновья». Я говорю: «Ну как же! Забыли, как встречались с Анжелиной?» Он за-

думался... «Гелька что ли? Она разве родила?» Я говорю: «Ну, вот я – это результат ваших с ней отношений».

Когда между нами шел разговор, все это время меня не покидало чувство отвержения и ненужности. Я не выдержала и расплакалась. Отец робко обнял меня. Наверное, это объятие мне было очень нужно в тот момент... Наверное, я очень долго этого ждала... очень... Мой приемный папа умер, когда мне было десять лет. И естественно, мне не хватало мужского плеча, мужской опоры.

На одном из интенсивов, во время упражнения, я однажды поняла, что мне не хватает опоры на сильного мужчину. Тренер-мужчина предложил опереться на него, обмякнуть на его плечах, обнять и почувствовать ту самую мужскую энергию, мужское плечо, силу. И я висела... как маленькая девочка, которую папа прижимает к своей груди, и дочка чувствует защиту, крепость и непоколебимость его силы. В жизни я не получала мужской опоры, я не знала, как это ощущается. И мужа себе выбрала такого, на которого я не могла внутренне опереться. Эта боль, травмирующее событие из детства, которое тянется со мной на протяжении всей жизни. Все, кто знает нашу пару, друзья и знакомые, говорят, что на моего мужа можно опереться. И я старалась, внешне я это делала, но внутри не чувствовала, пока глубоко не проработала эту тему. Сейчас, чем больше я занимаюсь изучением себя, чем больше прохожу различных трансформаций, тем больше ощущаю его опору и поддерж-

ку. А началось все именно с того тренера на интенсиве. Сейчас, на своих группах, замечая похожую ситуацию у участников, я предлагаю опереться на сильного мужчину рядом. Сразу заметно, как тело расслабляется. Для каждого человека очень важно иметь опору на папу.

Через некоторое время отец пригласил меня к себе, чтобы познакомить с женой и детьми, но я отказалась. Сказала, что мне это не нужно. Я и на самом деле не хочу внедряться в их семью, доставлять неудобство домочадцам, особенно супруге отца, своим присутствием. Мне хотелось лишь одного – чтобы они знали, что я есть. Этого мне вполне достаточно.

Это была единственная наша встреча. Но каким же счастьем было оказаться в его объятиях. Мне этого так не хватало всю жизнь. Но встречаться еще не хочется ни мне, ни ему. Для меня было важно лишь знать, что он есть. Обиды до конца еще не ушли, но их точно стало меньше. С братом я встречалась еще пару раз. Мой младший сын подружился с ним, называет его дядькой, брат зовет сына племянником. Как оказалось, мой сын внешне похож на моего отца, на своего деда.

Про юность

Детей на нашей улице всегда было много, человек пятнадцать точно. Улица была не городская, не оживленная, а сельская, широкая. Мы всей толпой собирались на полянах, где играли в волейбол, выбивного, жмурки, догонялки, море волнуется раз. Раньше дети знали много разных игр, мы не сидели за компьютером или возле телевизора дома, у нас всегда были активные игры на воздухе. Это то детство, когда мы сидели вечером на лавочке, рассказывали разные истории, кто-то пересказывал фильм. Девчонки шили одежду для кукол, а потом показывали концерты бабушкам на улице. Наша улица всегда была веселой и дружной. Иногда к нам приходили ребята даже с соседних кварталов. В общем, к вечеру собиралась довольно большая группа детей и подростков, которые чего-нибудь да вытворяли. Из плохого – залезали через забор за виноградом. У меня был сосед, дедушка, и у него был шикарный виноградник. Он не был против, чтоб нарвать нам целую корзину. Но это ж не то, хотелось адреналина, и ворованный он был вкуснее что-ли. В подростковом возрасте, по моему мнению, человеку необходимо делать что-то неординарное. Это самый бесстрашный возраст, гормонов выбрасывается много, кажется, что море по колено. В коре головного мозга подростков еще не сформированы в достаточной мере причинно-следственные нейрон-

ные связи. Именно поэтому они совершают порой абсолютно неадекватные поступки. Понимание происходящего приходит только к двадцати одному году.

На нашей улице жила бабушка. Даже сейчас вспоминаю и до сих пор стыдно, что мы с ней вытворяли. К булавке привязывали нитку, на нее картошку. Один залезает на завалинку и втыкает булавку в ставню, чтобы картошка стучала по ставням. «Тук-тук, тук-тук». Бабушка выйдет, включит свет, посмотрит в окно – никого, уходит. А мы опять: «тук-тук, тук-тук»... и так, пока она не заругается... Сейчас уже в силу возраста думаю: «Боже мой! Что только не вытворяли!» А тогда нас это забавляло. В нашей компании никто не курил и не пил, но проказничали.

Вова, когда переехал к своей бабушке, сразу попал в нашу компанию. Он всегда оказывал знаки внимания в мою сторону. А для меня он был лучшим другом, не более. Не рассматривала с ним отношения, потому что он был младше меня и ниже ростом. В нашей компании были мальчишки постарше, хотя я и на них не обращала внимания. Не было разницы мальчишки, девочки, для меня все были равны – друзья и все. Мне всегда было легко найти общий язык с парнями, я среди них вроде как «своей» была. Когда в школе проходило мероприятие, где нужны мальчишки, а они отказывались, меня всегда просили уговорить их участвовать. Не знаю, каким образом, но у меня это получалось.

Когда я училась в десятом классе, у нас проходили сбо-

ры. У мальчишек была военная подготовка, а мы хозяйничали на полевой кухне. Всем классом выезжали за пределы поселка, у реки разбивали лагерь. На базе лагеря у ребят были соревнования, а мы должны были готовить и кормить их. Наши одноклассники и парни из параллельного класса договорились от базы до дома плыть по реке на плотях. На машине ехать километров двадцать, а по реке целый день. Уже не помню как, но эта информация дошла до учителей. Такая паника поднялась, учителя в слезы, что делать, не знают. Не дай бог, что произойдет, все! Тюрьма! Я подошла и говорю: «Да подождите, сейчас я их верну». Я пошла через лес, через какую-то протоку глубиной мне по грудь. Иду вся мокрая. Нашла их. Парни на одном берегу, я на другом. Они мастерят плоты, я с ними разговариваю через реку. Их было человек шестнадцать. Не помню, что я им говорила, но они вернулись, не поплыли. Это, наверное, какие-то мои организаторские способности или дар убеждения, не знаю, но ко мне прислушивались, я всегда умела найти нужные слова.

Встреча с будущим мужем

Я училась в седьмом классе. И хоть лет мне было всего четырнадцать, выглядела я на все восемнадцать. Зима в тот год случилась снежная, с огромными сугробами. Однажды, возвращаясь домой из школы, вижу как на нашей улице орава ребят играет в снежки, баррикады строят. Я всех знала, жили рядом. Кто-то старше меня на три-четыре года, кто-то младше лет на пять.

Иду довольная и гордая от того, что в школе меня учительница похвалила. Тут в меня прилетает снежок. Было не больно совсем. Снег был не липкий и рассыпался моментально. Но комом в горле встала обида на то, что все смеются, а вдали стоял тот самый незнакомый мальчишка, который в меня и попал. Маленький, худенький, смешной, на голову почти ниже меня. На нем была надета серая шапка-ушанка из зайца, только поворозки торчат в разные стороны. Это что за таракан?! Я на этой улице королева, а он меня обкидал, да еще и лыбится до ушей под общий хохот?! Не стерпела. Догнала этого щуплого и мордой в снег натыкала. Впоследствии он стал моим мужем.

Эту историю знают многие наши друзья, родственники, дети. Мы ее не скрываем, она очень забавная, символичная и пусть даже не романтическая, но она наша. Муж в шутку говорит, что теперь все время мне мстит за тот случай. Это сей-

час он солидный и внушительных размеров Владимир, а тогда был шупленький худощавый мальчишка по имени Вовка.

Позже я узнала, что его бабушка купила дом на той же улице, что и моя, только жили через три дома от нас. Жили они с бабушкой вдвоем. Родители развелись, его мама жила на севере. Поначалу Вова просто в гости к бабушке приезжал на каникулы, а постепенно переехал и в местную школу пошел. За свои восемь классов ему приходилось сменить пять школ, потому что родители все время переезжали из одного города в другой. Жизнь в семье, мягко говоря, была не спокойная. Частые конфликты между родителями на почве отцовских измен. А «ходил на лево» отец всегда, поэтому скандалы случались регулярно. Вышло так, что Вова вырос в семье, где скандалы и драки случались чаще, чем смех и теплые объятия.

А один эпизод он запомнил на всю жизнь. Вове тогда было девять лет, он учился в третьем классе. В доме произошел очередной скандал. Крики, маты, оскорбления... Мама закрылась на кухне, отец в ярости разбил стекло. Защищаясь, мать случайно осколками порезала себе руку, да так неудачно, что задела артерию – в потолок забил фонтан крови... Вова это хорошо помнит. Все стены, кухонный гарнитур, табуретки – все было в крови. После случившегося мама собрала вещи и уехала, сказав лишь, что иначе отец ей жизни не даст.

Помню, что когда мы с Вовой собрались жениться, то ре-

шили позвать и его отца на свадьбу, хотя мама его была против. Я тогда даже удивилась – ну как так? Отец живой же, нужно позвать! Живете вы вместе или нет – это уже другая история, и она не должна касаться детей. Мы пригласили его.

Съездили к нему домой, но его не застали, передали приглашительную через бабушку. Отец на свадьбу приехал. Правда, ходил весь вечер и трепал нервы моей новоиспеченной свекрови. Да так, что она за меня пряталась и просила сказать ему, чтоб отстал. Напоследок он нам при всех ключи от квартиры подарил. Вот только, как потом оказалось, не было никакой квартиры и в помине, а «представление» разыграл лишь из-за желания показать себя во всей красе. Вскоре его не стало. Жизнь он свою закончил не очень хорошо – уснул в нетрезвом состоянии и замерз...

Миссия в детском лагере

Когда мне было восемнадцать лет, я пошла работать в школу пионервожатой, поскольку не смогла поступить в этом году в пединститут. На зимних каникулах меня вызвал к себе директор и сказал: «Ты сегодня едешь на побережье Черного моря. Выйдешь на станции и найдешь пансионат, в котором находятся дети из нашей школы. Туда их повезли две женщины из профкома, но их не предупредили, что необходимо не только сопроводить детей, но и остаться с ними там на весь срок пребывания». Меня направляли туда, чтобы сменить тех женщин. Я пробовала возразить, но мне строго ответили, что это моя прямая обязанность. Домой я пришла расстроенная, в слезах. Вечером мы увиделись с Вовой (на тот момент мы только встречались) и рассказала ему все. Он попытался успокоить. Я собралась, и мы вместе поехали на автобусе в соседний город, на вокзал. В нужную мне сторону билетов не было. Мы простояли на вокзале четыре часа в ожидании возможности хоть как-то уехать. Пока ждали поезд, уехал последний автобус до дома. В полночь шел проходящий поезд, на котором я могла бы добраться до пансионата. Но ехать предстояло в вагоне с мужчинами-строителями.

Я была в панике, в голове крутились мамины слова: «Мужчины монстры, им нужно только одно...» Столько же

ужаса было в глазах Вовы. Решать нужно было немедленно, и я села в этот вагон. Вошла, оглядываюсь, вокруг ни одной женщины. Только я, молоденькая девушка восемнадцати лет с длинными волосами и огромными от испуга глазами. Мужчины, думаю, прочли в моих глазах тот ужас, который скрывал меня, пригласили сесть на свободное место, стали разговаривать со мной. Наверное, хотели успокоить и внушить доверие. Всем было от тридцати пяти лет и больше. Для меня это были взрослые дядьки. Мы мило беседовали, они рассказывали анекдоты, угощали вкусняшками. В общем, я замечательно добралась до места.

Когда сошла ночью зимой с поезда, было темно и холодно. Я не знала, куда идти. У меня началась паника, которая когда-то уже была в моей жизни. Тогда, когда не стало моего папы. Я прошла вперед и увидела дорогу, ведущую в гору. Я прошла по ней километра два – три среди леса. Сказать, что мне было страшно – ничего не сказать. Вскоре я увидела здание. Свет в окнах не горел, но я достучалась, мне открыли. Оказалось, я нашла тот самый пансионат, который мне и нужен был. Провела там около недели.

Меня поселили с детьми работников фермы. Многие были из малоимущих семей с недостатком внимания, воспитания и образования, с грубыми нравами. Опыта как такового у меня было совсем мало. Женщины из профкома рассказали, что у них украли все деньги. Их было человек восемнадцать. Но, как ни странно, мне удалось сблизиться с детьми.

К каждому я нашла подход. Вычислила заводилу в шалостях и назначила его командиром у мальчиков. Все это я делала интуитивно. В результате парень стал моей правой рукой, помогал управлять отрядом. Когда мы расставались, дети плакали. Мы привыкли друг к другу. Нам было весело вместе. Самое главное, что я получила из этого опыта – я справилась! Смогла найти подход к каждому конфликтному ребенку, смогла разрешить все неприятные ситуации внутри коллектива.

А мой Вова решил идти домой по рельсам тридцать километров ночью зимой. Я ехала в теплом вагоне, а он по темной холодной ночи шел в сторону дома. Добрался уже под утро замерзший и уставший. Естественно, заболел. Для меня его поступок был подвигом. Потому что и ему было страшно, но он, несмотря на страх, нашел в себе силы и мужество дойти до дома в таких условиях. Он не бросил меня одну на вокзале, дождался поезда, посадил, а сам добирался пешком. Он заботился обо мне! Для меня это было показателем того, как он ценил меня.

Побег из детского сада

Хочется поделиться воспоминаниями о моем детстве. Не сказать, что я много помню, в основном фотографии напоминают мне о тех событиях. Зачастую я на них со слезами, на некоторых – сама серьезность. По маминым рассказам маленькая я была плаксой и чаще всего ходила обиженная, малообщительная. Сейчас как специалист я знаю, что психика человека способна блокировать неприятные воспоминания. Возможно, именно по этой причине я мало что помню из детства.

Мама с гордостью рассказывала следующую историю. Когда меня принесли из роддома, я все время плакала. Тогда она мне сказала: «Ээээ, не, так не пойдет! У меня больной муж, и все хозяйство на мне. Будешь реветь, я тебя верну обратно». После этих слов я, будучи десятидневным младенцем, перестала реветь. Не знаю, чем уж тут гордиться, но она считала, что вот такая она сильная женщина и смогла меня воспитать правильно с первых дней жизни. А мне так не хватало любви от нее. Я чувствовала, что она не умеет любить.

Самое раннее мое воспоминание – из детского сада. Мне было три года. Меня привели в младшую группу, а когда за мной пришли, я уже была в средней группе. Мама сильно удивилась, как так ребенок еще очень мал для этой группы. Но ей ответили: «Тане скучно с малышами, ее развитие опе-

режает сверстников».

Заведующей в этом детском саду была моя тетя. Именно она и распорядилась перевести меня в среднюю группу, так как, понаблюдав за мной в течение дня, поняла, что в младшей мне не место. Первое время мне было некомфортно, но потом я очень даже освоилась. Меня задействовали на всех мероприятиях. То ведущей была, то стихи читала. Был у меня в группе друг по имени Витя. Мы с ним были одной из лучших пар. Мне с детства было важно быть значимой и лучше других.

Не так давно на одной из терапий вспомнила ситуацию, когда моя мама очень долго не забирала меня домой из садика. Всех уже забрали, только я осталась и еще двое, которые на круглые сутки оставались. Я слышу, как воспитатель и нянечка разговаривают про мою маму: «Ну конечно, она же не родная дочь, могла и забыть про нее». В том возрасте мне не очень понятен был смысл их слов, но я чувствовала, они говорят какие-то гадости про нее. И когда мама пришла за мной, она стала оправдываться. Говорила, что случились непредвиденные обстоятельства, из-за чего ей пришлось задержаться. А я так сильно обиделась на маму, думала, что она оставила меня. Потом еще долго не разговаривала с ней, часто плакала, потому что с той самой ситуации у меня поселился страх, что она не придет за мной больше, и я навсегда останусь в этом садике. Я боролась с желанием сказать воспитателю и нянечке: «Вот вы старые дуры! Моя мама при-

шла за мной и она меня любит!»

У меня есть соседка Ольга. Родители часто оставляли ее в саду с ночевкой. Садик был круглосуточный. Она на год старше меня была. Спала рядом со мной. Меня тоже, бывало, оставляли там на ночь. И вот как-то раз она ночью меня разбудила и плачет: «Я хочу к маме». Я говорю: «Ну, пойдем к маме». Мои вещи были аккуратно сложены на стульчике, а вот ее пришлось поискать. Нашли с трудом и не сразу. Взяли вещи в охапку и понесли в туалет, только там горел свет. Оделись, пошли к двери, а открыть не можем, закрыта на крючок. Мы притащили три стула с кухни, залезли на них, благополучно открыли крючок и пошли домой.

Топать нам было около трех километров. Насколько я помню, на дворе был январь месяц. Холодно, темно, но раз надо к маме, значит надо. Мне кажется, было примерно около полуночи. Недалеко от садика был винно-водочный магазин. Там нас мужик останавливает и спрашивает, куда мы. А мы отвечаем – домой. Он предложил проводить нас, но пошел дальше своей дорогой. Я знала, где живет Оля. Уже на подходе к дому она стала реветь, что мама ее убьет. Тогда мы пошли ко мне. Естественно, мои родители были в шоке. Мама сама отвела Олю домой. Только уложили меня спать, как через пять минут прибегает нянечка с испуганным лицом и заплаканными глазами. Это сейчас я понимаю, чего она так испугалась, ведь случись чего, ей грозила тюрьма. И вообще, как можно было упустить двух маленьких девочек

среди ночи?! Для всех все закончилось тогда благополучно.

А на следующий день я очень боялась идти в детский сад. Мама меня отругала. Объясняла мне криками, что я могла человека под статью подвести. Но я в том возрасте ничего этого не осознавала и не понимала. Я чувствовала лишь одно – страх. Когда я пришла в детский сад, меня вызвала заведующая. Она всегда была строга со мной, тем самым показывая, что она заведующая, а не моя тетя. Я пришла к ней в кабинет. Она протянула мне огромное красное яблоко и тоже стала объяснять, что так не стоит больше делать, это неправильно. Но она не ругала меня, спокойным тоном пыталась донести, как делать не стоит. Когда я вернулась в группу, меня все ребята окружили с расспросами: «Ну, что? Тебя там ругали?» А я достала из-за спины яблоко и сказала: «Нет, не ругали, но сказали, чтобы так больше не делала».

Зная строгость и справедливость своей тети-заведующей, я очень боялась ее реакции. Боялась, что она от меня откажется. Но к моему невероятному удивлению и радости она повела себя совсем по-другому. Уже сейчас, будучи взрослой, я осознаю, что ребенок не понимает причинно-следственных связей. Они формируются до двадцати одного года. Даже в девятнадцать – двадцать лет дети могут совершать глупые поступки. Когда у них спрашивают, чем они думали, они не могут ничего ответить, так как у них нет этих связей физиологически. Нет такой функции – подумать, а что мне за это будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.